

Предисловие

В детстве я сама себя часто ставила в тупик. Во мне жила масса противоречий. Эдакое странное, непонятное существо! Я так плохо училась в первом и втором классе, что учителя хотели оставить меня на второй год, а в третьем — вдруг стала прилежной ученицей. Временами я могла без умолку оживленно болтать, делая остроумные, уместные замечания, и если хорошо знала предмет разговора, то могла заговорить собеседника до смерти. А порой намеревалась что-то сказать, но в голове была пустота. Иногда на уроке порывалась поднять руку, чтобы ответить, — таким образом я могла на 25 процентов улучшить свои отметки, — но, когда меня вызывали, все мысли мгновенно улетучивались, внутренний экран гас, возникало желание спрятаться под парту. Еще бывали случаи, когда мои ответы облекались в какую-то неясную форму, я запиналась, и учителям казалось, что я знаю меньше, чем в действительности знала. Я придумала кучу разнообразных способов избегать взгляда учительницы, когда она осматривала класс в поисках того, кого спросить. Я не могла положиться на саму себя, поскольку никогда не знала, как отреагирую на вопрос.

Еще больше меня смущало, что, когда я все-таки высказывалась, окружающие утверждали, что отвечала я хорошо и четко. А иногда мои одноклассники обращались со мной так, будто я умственно отсталая. Сама я не считала себя глупой, но и не казалась себе образцом остроумия.

Особенности моего мышления смущали меня. Было непонятно, почему я так часто бываю сильна задним умом. Когда я делилась своим мнением о произошедшем спустя некоторое время после события, учителя и друзья довольно раздраженно спрашивали, почему я молчала раньше. Они, видимо, думали, что я намеренно скрываю свои мысли и чувства. Я же сравнивала мыслеобразование у себя в голове с не доставленным в пункт назначения багажом, который догоняет вас позже.

Время шло, и я стала считать себя тихоней: молчаливой и делающей все украдкой. Не раз замечала, что на мои слова никто не реагировал. А потом, если кто-нибудь говорил то же самое, к его словам прислушивались. Мне стало казаться, что причина в моей манере говорить. Но иногда, услышав, как я говорю или читаю то, что написала, люди смотрели на меня с искренним удивлением. Подобное случалось так часто, что этот взгляд я узнавала сразу. Они как будто хотели спросить: «Неужели это написала ты?» Их реакцию я воспринимала со смешанными чувствами: с одной стороны, мне нравилось признание, с другой — тяготил избыток внимания.

Общение с людьми тоже вносило смятение. Мне было приятно находиться среди них, и им я как будто нравилась, но сама мысль о необходимости выходить из дома приводила меня в ужас. Я расхаживала взад-вперед, размышляя, идти на прием или вечеринку или нет. И наконец, пришла к выводу, что я социальная трусиха. Порой я чувствовала себя неловко, стесненно, а иногда все было в порядке. И, даже прекрасно проводя время в обществе, я поглядывала на дверь и мечтала о том, когда же смогу наконец надеть пижаму, залезть в постель и расслабиться за чтением книги.

Еще одним источником страданий и разочарований была нехватка энергии. Я быстро уставала. Мне казалось, что я не так вынослива, как все мои друзья и члены семьи. Уставая, я медленно ходила, медленно ела, медленно говорила, делая мучительные паузы. В то же время, отдохнув, могла перескакивать с одной мысли на другую с такой скоростью, что собеседники не выдерживали натиска и искали возможность ретироваться. И действительно, некоторые люди считали меня исключительно энергичной. Поверьте, это было совершенно не так (и до сих пор не так).

Но даже своим медленным шагом я брела и брела вперед, пока в конце концов в большинстве случаев не добивалась того, чего хотела в жизни. Прошли годы, прежде чем я поняла, что все эти противоречия во мне на самом деле легко объяснимы. Просто я обычный интроверт. Это открытие принесло мне огромное облегчение!